

совершенства земного мира. Это объясняет существование таких антропологических констант русской культуры, как «экзистенциальная печаль», склонность к страданию и состраданию. Именно они определяют «плачевость» отечественного менталитета. Специфическое душевно-психологическое состояние тоски, рожденное ощущением богооставленности, несбыточности идеала «должного», осмысливается нами как трансформированная форма плача.

В отечественной истории слом исторических эпох, крушение традиционной системы ценностей, переход к новым отношениям способствовали формированию странничества как плачевой модели поведения, отражающей кризисное мироощущение. Трагизм сознания «смутной» и «переходной» (Л.А. Черная, Н.А. Хренов) эпох привел к тому, что плач явился формой выражения коллективных эсхатологических настроений. Распространение плачевых форм в русской культуре напрямую соотносится с возрастанием апокалипсических настроений. Необходимо особо подчеркнуть, что эсхатологическая доминанта в мировоззрении людей «переходных» эпох обуславливает семантическую срочность смеха с грехом, что и провоцирует «плачевость» в русской культуре. В периоды исторической нестабильности смех, наряду с плачем, становится выражением «реальности хаоса» (Н.А. Хренов). Однако эсхатологическая сущность русской культуры не позволяет осмысливать смех кризисных эпох как жизнерадостный, он, скорее, «плачевый» («смех сквозь слезы»). Концентрированным выражением подобных коллективных настроений являлось поведение юродивых. Природа смеха юродивого скорее «плачевая», выражающая «трагический вариант смехового мира» (А.М. Панченко).

Анализ природы плача и функционирования его форм в культурно-историческом процессе позволяет нам сопоставить европейскую и русскую культуры и выявить их типологические особенности. Базисными характеристиками западного типа культуры, основанного на античных ценностях, где смех – эквивалент свободы – (С.С. Аверинцев) выступает как доминанта историко-культурного развития, являются телесность, маскулинность, индивидуализм, позитивное отношение к жизни и целостное, гармоничное мировосприятие.

Русская культура – поляризованная по своей сущности, сочетает противоположные ценностно-смысловые сферы язычества и православия. Православная вера актуализировала субъективно - иррациональные начала в русской культуре, стремление к обретению божественной благодати, способствовала формированию в человеке смирения, всеобщего человеческого страдания, жертвенности и жалости, освещенных слезами. Таким образом, наши выводы могут быть представлены в типологической схеме, отражающей дихотомию русской и европейской культур на основе доминирования смехового или плачевого начал в культурно-историческом процессе.

Русская культура – поляризованная по своей сущности, сочетает противоположные ценностно-смысловые сферы язычества и православия. Православная вера актуализировала субъективно - иррациональные начала в русской культуре, стремление к обретению божественной благодати, способствовала формированию в человеке смирения, всеобщего человеческого страдания, жертвенности и жалости, освещенных слезами. Таким образом, наши выводы могут быть представлены в типологической схеме, отражающей дихотомию русской и европейской культур на основе доминирования смехового или плачевого начал в культурно-историческом процессе.

Таблица 1. Дихотомия русской и европейской культур

ЕВРОПА	РОССИЯ
гармоничность	диссонантность
мужской тип	женский тип
рациональность	иррационализм
индивидуализм	коллективизм
тело	душа
смех	плач

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ И ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ В ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Костина И.Н.

*Забайкальский государственный педагогический
университет им. Н. г. Чернышевского,
Чита*

Общеизвестно, что маргинальная личность является продуктом миграции населения, разнообразных процессов, в результате которых человек вынужден осваивать иные, чуждые ему культурные ценности, социальные роли, образ жизни (1). Понятие культурной маргинальности, введенное в 20-е годы Р. Парком (2), существует для обозначения культурного статуса и самосознания иммигрантов, оказавшихся в ситуации необходимости адаптации к новому для них образу жизни. Проблема культурной маргинальности при рассмотрении адаптации турок второго и третьего поколения в Германии представляется актуальной, поскольку является предметом научных споров и дискуссий.

Российскими исследователями проблем интеграции и этнической самоидентификации иностранцев в Германии высказывается положение о неком «социальном зеркале», под которым понимается реакция того или иного общества на действия отдельного человека, в соответствии с которой он корректирует собственные нормы поведения и формирует такие жизненные ценности, которые приняты в данном обществе (3). Очевидно, что турки в Германии оказываются между двух «социальных зеркал» - своего, привычного с одной стороны и немецкого с другой.

В Германии проблема культурной маргинальности находит свое выражение в положении о том, что представители турецкой диаспоры якобы «сидят между двух стульев»(4), т.е., не сохраняя своей этнической культуры, не спешат влиться в культурное поле Германии.

Появлению теории о «двух стульях», о двух «социальных зеркалах» т.е. культурной «раздвоенности» турецкой диаспоры, межкультурности ее ориентаций способствовали процессы интериоризации разнохарактерных ценностей, норм, стандартов, заимствованных из различных социокультурных систем (в нашем случае западной – Германия и восточной -

Турция). Иными словами, складывается представление, что представители турецкого этноса в Германии оказываются между культурными обозначениями, пребывают в позиции: уже не турки, но еще не немцы. Могут ли турки в Германии рассматриваться как «маргиналы в этноисторическом транзите»(5), т.е. как люди потерявшие связь со своими культурными ценностями и находящиеся в пути к культуре принимающего общества?

Думается, что сложно дать однозначный ответ на данный вопрос. Восприятие действительности у каждого поколения турецких иммигрантов специфично. Для современной молодежи главным источником поведенческих норм и ориентаций является не только дом и община, но и общество, тогда как их родителями мир воспринимался лишь сквозь призму этнокультурных ценностей и бережно охраняемых традиций.

Выполняя функцию посредника между родителями и обществом, молодое поколение помогает более старшему в освоении новых ценностей и стереотипов. Вместе с тем характерной чертой мусульманских семей является некая «аура притяжения», которая служит амортизатором между молодым поколением и агрессивным социальным окружением. Таким образом, вырвавшись отчасти из этнокультурной родительской среды, турецкая молодежь все еще остается в поле ее социального и культурного воздействий, поскольку испытывает сильное влияние родителей, стремящихся передать молодежи элементы своей культуры в виде воспоминаний, стереотипичных представлений, исторических ассоциаций.

Люди, рожденные в диаспоре, совмещающая этноидентичность, связывающую родительскую социокультурную традицию с гражданской принадлежностью к принимающему обществу, пребывают на стыке двух культурных полей, впитывая по их собственному утверждению «соки из немецкой и турецкой культур»(6)

Думается, что определение культурной маргинальности по отношению к представителям турецкой диаспоры в Германии не имеет четко очерченных границ. Потенциально у диаспоры есть обратная связь с исторической родиной. Турецкая община в Германии располагает собственной культурной инфраструктурой, включающей магазины, библиотеки, театры, рестораны, еженедельные базары, «мало чем отличающиеся от стамбульских» (7). Иными словами, нельзя утверждать, что нынешнее поколение турок в Германии утрачивает связь с контекстом своей культуры.

Опираясь на утверждение об эластичности среды тюркских народов в усвоении и имитации ими чужих норм, (8) возникает предположение, что в новой «западной» среде для турок складываются обнадеживающие перспективы. «Немцы турецкого происхождения» (так именуют себя представители турецкой диаспоры третьего поколения) стремительно овладевают ориентирами западной культуры, включающими научное знание, рациональность, активное технико-технологическое преобразование мира, модернизация, инновация).

Думается, что теория о «двух стульях» получает новое звучание, выражающееся в том, что турки в

Германии «сидят на двух стульях», т.е. речь идет интеграции данной диаспоры в немецкую культуру, хотя и в очень специфической форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурология. Энциклопедический словарь, Ростов-на-Дону, 1997, с.288.
2. Культурология. XX век. Словарь. СПб, 1997, с.259.
- 3.Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации. // Этнографическое обозрение, №4, 2004, с.113.
4. Schayan J. Alltag in der zweiten Heimat.// Deutschland, № 6, 2000, S.56.
5. Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс. // Этнографическое обозрение, № 2, 2000, с.76.
6. Zipf M. Türken in Deutschland: Heimat oder Fremde? // Deutschland, № 3, 2000, S. 61.
7. Утургаури С. В. Литература турецкой диаспоры в Германии // Восток, № 4, 1997, с. 51.
8. Моисеев П. П. Турция: от полукOLONиальной экономики империи к хозяйственной самостоятельности республики // Восток, № 4, 2002, с. 140.

ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ЕГО СМЫСЛ

Нагорная В.А.

Челябинск

Жизнь человека, вероятно, сплошь состоит из актов духовного рождения и каждый раз, когда человек рождается, его духовный горизонт захватывает какая-то определенность мира, предметность его сознания. Ценности возникают как определенная универсальная любовь к предметностям мира, присутствующим в момент очередного духовного рождения. Эта ситуация весьма схожа с привязанностью только что вылупившегося цыпленка к предмету, захватившему его внимание в момент рождения. Этот предмет дан вместе с бытием и рассматривается как форма его бытия.

Задача духовного возвышения жизни образующегося человека состоит, с одной стороны, в том, чтобы человек «всеми фибрами души» страстно любил жизнь во всем ее многоцветии, многоголосии, с другой стороны, чтобы он умел менять акцент с предметной определенности мира на саму энергичность любовного переживания им мира на себя как любящего. Навык такого изменения акцента, систематически осуществляемый в сфере образования, в принципе создает предпосылки возвышения энергии любви до ее предельных значений.

Необходимо принципиально настаивать, чтобы предельно «овнешненного» в наше время человека обратить к универсально любящему самому себе, как наивысшему сокровищу, потому что только внутри себя человек содержит тот волшебный «сим-сим, откройся!», сокровища которого могут с лихвой обеспечить и мирскую жизнь человека. Но как суметь услышать этот голос мудрости внутри своей души? Как, услышав его однократно, суметь наладить с ним общение, диалог между Я и Ты?

Мудрость, конечно, не может быть ничем иным, как живой связью всего со всем. Универсальность –